

Сюэ Кайчао думал, что уже забыл, или, возможно, благодаря долгим годам практики «Великого Забвения», даже если помнил, то не должен был спустя столько лет все еще чувствовать гнев, обиду и печаль за нее.

Но он все еще чувствовал.

Взгляд Сюэ Елай на мгновение напомнил ему взгляд его матери, словно она тоже думала: «Он еще не вырос».

Долгая жизнь дается легко, но для некоторых вечность становится лишь скучным существованием.

Как для Сюэ Лу, так и для прежнего Сюэ Кайчао.

Шу Цзюню казалось, что он видел очень долгий сон. Он не только вспомнил далекое детство, но и увидел себя лежащим в пещере, неспособным пошевелиться, чувствуя холод вокруг, а перед ним стояли два человека. Тот, что ближе, держал его за руку, и хотя его дыхание было холодным, впечатление оставалось теплым. Он знал этого человека, даже если видел только подбородок и ниспадающие пряди волос, и был уверен, что это Сюэ Кайчао.

Он слышал голоса и понимал, что другой человек — женщина. Ее тон был мягким, но непреклонным.

— Каждый должен столкнуться с правдой о себе. Я ничего больше ему не сделала. Ты так беспокоишься, потому что боишься, что я что-то сделала с ним, или потому что боишься, что он не выдержит правду?

Она тихо засмеялась, не боясь Сюэ Кайчао. Шу Цзюнь не знал, почему он так устал. Он подозревал, что, возможно, потерял слишком много крови, и как бы ни старался сосредоточиться, не мог разглядеть пещеру, видя лишь черноту вокруг, что вызывало в нем тревогу.

О чем говорила эта женщина, он не знал, но в душе росло сильное предчувствие чего-то плохого, и даже во сне он чувствовал беспокойство. Еще больше его тревожило молчание Сюэ Кайчао. Рука, державшая его, сжималась все сильнее, и Шу Цзюнь, хотя и не чувствовал боли, был полон беспокойства. Он попытался пошевелить губами, чтобы что-то сказать, но после нескольких попыток его зрение становилось все более расплывчатым.

Погружаясь в глубокий сон, Шу Цзюнь все еще задавался вопросом: что же он узнает?

Затем, словно внезапно, он оказался в огне. Его тело горело, но боли не было, лишь сильный жар и жажда. Во сне Шу Цзюнь знал, что он уже не ребенок, и языки пламени, лизавшие его тело, не могли причинить ему вреда, поэтому он понимал, что вырос, и даже помнил Сюэ Кайчао. Он попытался вызвать свое духовное тело, но каждый раз терпел неудачу.

Клинок Хаошуан также отсутствовал, и ему пришлось быстро покинуть место пожара. Он обнаружил, что на улице была ночь, и вокруг царил тишина, лишь огонь продолжал гореть. Оглядевшись с высоты, он вдруг понял, что это его родной город.

Он уже забыл, где находится его родной город, помня лишь примерное место и то, что это был город у воды, где летом пруды были полны водяных орехов и ряски, а ивы склоняли свои ветви.

Но это место было полностью разрушено огнем, повсюду слышались треск горящих деревянных балок и кирпичей, и Шу Цзюнь был уверен, что это его родной город, рыбацкая деревня.

Вдалеке он увидел, что на поле неподалеку стоит карета, как черная шахматная фигура, неподвижная и безмолвная.

Сердце Шу Цзюня забилося сильнее. Он вдруг понял, что в этой карете должен быть поджигатель. Спустившись с еще не обрушившейся крыши, он во сне побежал против ветра, пытаясь разглядеть лицо того, кто сидел за поднятой занавеской кареты. Поле было бескрайним, и за пределами пожара царила полная тишина, словно время остановилось. Шу Цзюнь, бегущий через поле, не замечал, что темно-синее ночное небо постепенно сгущалось в черноту, и горы скрывались в ней. Чем дальше он бежал, тем меньше это походило на мир людей.

Карета стояла неподвижно, как гора. Шу Цзюнь видел, что на ней был нанесен герб, наполовину скрытый в темноте, а другая половина отражала лунный свет, ослепительно сверкая. Он не мог разглядеть его.

Он бежал уже долгое время, задыхаясь, и скорость его замедлялась. Пот стекал со лба, попадая в глаза, вызывая боль и слезы, но сколько бы он ни бежал, расстояние до кареты оставалось неизменным, словно оно было вечным.

Шу Цзюнь, не отрывая глаз от половины герба, почувствовал, как его ноги становятся все слабее, и, споткнувшись о камень, упал лицом вниз на траву. Роса была холодной, а трава — ледяной. Он с трудом поднялся и посмотрел вперед, увидев, что черная карета тронулась с места, направляясь вдаль, а серебряный герб на мгновение сверкнул. Шу Цзюнь запомнил только, что на нем были две скрещенные меча, поддерживающие какой-то узор.

Карета исчезла в воздухе, и Шу Цзюнь мог лишь наблюдать за этим. Он чувствовал гнев и отчаяние, не зная, будет ли у него еще шанс найти следы своего врага. Ударив кулаком по земле, он тяжело дышал, и вдруг его глаза погрузились в полную темноту.

Вскоре он снова почувствовал сильный жар и больше не мог думать о том, что произошло, проснулся ли он и был ли это сон.

Шу Цзюнь болезненно застонал, повернулся на бок и вдруг почувствовал, что лежит не на земле с запахом травы, а на мягкой кровати, а его лоб уткнулся во что-то пушистое, мягкое и теплое...

Из всего, что он знал, только одно могло быть таким — духовное тело Сюэ Кайчао. Шу Цзюнь снова попытался открыть глаза, и на этот раз ему удалось. Однако, прежде чем он успел разглядеть, что перед ним, Лазурный Цилинь издал мягкий звук, ласково потрепал его головой и даже поставил мягкую лапу на его грудь.

Шу Цзюнь кашлянул, чувствуя себя обессиленным. Даже легкое прикосновение Цилиня заставило его снова перевернуться на спину, беспомощно лежа на кровати. Он попытался пошевелиться, но почувствовал, что все тело горит, а сил нет — вероятно, у него была лихорадка.

Неудивительно, что во сне он чувствовал такой жар и даже в бессознательном состоянии не мог спать спокойно. Шу Цзюнь тихо вздохнул, чувствуя сильную головную боль. У него не было сил даже подняться, и это, казалось бы, должно было быть серьезным состоянием, но, увидев

здесь Циляня, он вдруг почувствовал облегчение, зная, что Сюэ Кайчао тоже здесь.

Действительно, через мгновение раздались знакомые шаги, и Шу Цзюнь с трудом поднял голову, увидев, как Сюэ Кайчао входит, держа в руках чашу с лекарством. По какой-то причине, пробежав в одиночестве так долго во сне, Шу Цзюнь, увидев Сюэ Кайчао, вдруг почувствовал обиду. Его глаза наполнились слезами, и он слабым голосом произнес:

— Господин...

Его голос был хриплым и настолько слабым, что напоминал кошачье мяуканье, и Шу Цзюнь сам не мог принять это. Сюэ Кайчао слегка нахмурился, сделав два шага к кровати. Он положил чашу с лекарством в сторону, прикоснулся рукой ко лбу Шу Цзюня, чтобы проверить температуру. Его лицо стало мрачным:

— Ты проснулся?

Шу Цзюнь, не нуждаясь в интуиции, понял, что его господин был не в духе, и покорно кивнул, укрывшись в одеяле. Однако Сюэ Кайчао уже засунул руку под одеяло и начал ощупывать его под одеждой:

— Ты не потеешь?

Тело было сухим, и Шу Цзюнь честно покачал головой, заметив, что лицо Сюэ Кайчао стало еще холоднее. Однако этот гнев явно был направлен не на него, и хотя Шу Цзюнь беспокоился, он не боялся. Он хотел сказать, что с ним все в порядке, но, не успев открыть рот, был поднят Сюэ Кайчао, как котенок, и усажен на подушку.

Сюэ Кайчао больше ничего не спрашивал, поднял кувшин с водой с прикроватного столика, налил воду в чашу и, согрев ее духовной силой до теплого состояния, поднес к губам Шу Цзюня:

— Выпей воды. Ты провалился в Врата Ада, и не знаю, сколько времени там провел. Живой человек, подвергшийся воздействию иньской энергии, должен медленно восстанавливаться.

Шу Цзюнь, хотя и ожидал этого, увидев, как черный туман поднялся вокруг него, уже догадывался, что не сможет выбраться. Он даже не надеялся вернуться целым и невредимым. Теперь, оказавшись снова в мире живых, он не чувствовал разочарования из-за своей слабости, а, напротив, попытался улыбнуться, чтобы успокоить Сюэ Кайчао:

— На самом деле, я не чувствую себя слишком слабым.

Авторский комментарий: Писала эту главу и думала: разве это не история о новичке-отце, который заботится о ребенке? Кормление пальцем действительно очень эротично, но также и очень мило. В следующей главе Шу Цзюнь проснется. Этот «ребенок» растет так быстро! Ухаживать за ним совсем не трудно!

<http://bllate.org/book/16142/1445704>